

Екатерина Мордвинцева

Добиться неотрогу

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Добиться недотрогу / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 212 с.

ISBN 978-5-524-00358-4

Анастасия привыкла сама решать свою судьбу. Карьера, независимость, подруга – вот её мир. Пока в нём не появился Он. Никита. Богатый, красивый, опасный. Он смотрит на неё так, будто она его ответственность. Говорит загадками. И, кажется, всерьёз считает, что она ему предназначена.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00358-4

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026

Пролог

Никита

Позолоченные ворота элитного поселка «Серебряный Бор» с лёгким шипением растворились за спиной моего черного «Рейндж Ровера», будто отсекая меня от одного мира и выпуская в другой. От мира закона стаи, где каждый вздох, каждый взгляд имеет вес и последствия, – к миру людскому, где правила написаны на бумаге, а запахи приглушены смогом и ложью.

Голова раскалывалась не столько от усталости, сколько от гула. От гула десятков голосов, эмоций, мелких стычек и тихих требований, которые висели в воздухе нашей территории плотным, липким покрывалом. Быть бетой – это не титул, не почётная должность. Это постоянное состояние между молотом и наковальней. Молот – альфа, его воля, его не всегда предсказуемые решения. Наковальня – стая, её вечный, бурлящий подспудно хаос инстинктов, амбиций и страхов. Я – прослойка между ними. Смазка, амортизатор, иногда – щит. А иногда и клинок, который направляет альфа.

Сегодня пришлось быть и тем, и другим, и третьим. Конфликт на восточной границе участка с соседней, более мелкой и оттого наглой стаей. Не драка, нет, до этого не дошло – дошло до моих кулаков и холодной убедительности в голосе. Потом – разборки внутри своих: молодняк, вспыхивающий как порох из-за любого косого взгляда, а сегодня ещё и запах течной волчицы витал в воздухе, сводя с ума неокрепшие умы.

Пришлось разводить по углам, остужать, рычать. Буквально.

И за всем этим – тонкий, как лезвие, контроль. Контроль над собой. Над зверем, который рвётся наружу каждый раз, когда чувствует вызов, угрозу своему, нашему дому. Держать его в узде, но при этом позволять ровно столько силы, чтобы все чувствовали. Чувствовали бету. Чувствовали железную руку, на которой, однако, нет

окровавленной перчатки. Это балансирование на лезвии бритвы отнимает больше сил, чем любая физическая схватка.

Я вырулил на скоростную трассу, ведущую в центр, и нажал на газ. Двигатель ответил низким урчанием, приятной вибрацией. Машина была продолжением меня в этом мире людей – мощная, дорогая, безупречная внешне, но с грязью на колёсах от проселочных дорог наших владений. В салоне пахло кожей, кофе из термоса и... собой. Запахом напряжения, слегка приправленным холодной сталью. Я выключил музыку. Тишина, прерываемая лишь шумом мотора и шин, была благословением после какофонии чувств в посёлке.

Именно эту тишину и разорвала трель телефона, подключенного через блютуз. Имя на дисплее – «Кир. Альфа.» – заставило меня усмехнуться. Не зря говорят, что между альфой и бетой существует связь, выходящая за рамки простой дружбы или иерархии. Он будто чувствовал момент, когда я, наконец, остался наедине с собой и готов был выдохнуть.

– Здорово, – ответил я, и в собственном голосе услышал ту самую усталость, которую так тщательно скрывал весь день.

– Ну, что там опять стряслось? – голос Кирилла был ровным, но в нём чувствовалась стальная нить нетерпения. Он не любил, когда что-то ускользает от его контроля, даже если делегировал это мне. – Надеюсь, ты всё уладил?

«Уладил». Простое слово для целого спектакля дипломатии, угроз и демонстрации силы. Кир был стратегом. Он видел большую картину: бизнес-империи, союзы стай, движение денег. Он строил будущее. А мне доставалось настоящее со всеми его грязными, сиюминутными проблемами. Он – мозг и воля. Я – руки и иногда клыки, которые эту волю претворяют в жизнь.

– Да уладить-то уладил, – протянул я, следя за мчащимися навстречу огнями фонарей. – Но без твоего прямого вмешательства, Кир, боюсь, эта история с молодыком будет повторяться как дурной сон. Они не боятся меня достаточно. Уважают – да. Но страх перед бетой и священный ужас перед альфой – разные вещи.

На том конце провода на мгновение воцарилась тишина. Я знал, о чём он думает. О балансе. О том, чтобы не выглядеть тираном, но и не дать стае расползтись по швам.

– Знаю я, – наконец, вздохнул Кир, и в его голосе впервые за день прозвучала человеческая усталость. – Нет ничего невыносимее течной самки, когда вокруг куча гормонов с лапшу вместо мозгов. Чувствую этот запах даже отсюда. Дёргается всё нутро. Ладно, – он махнул рукой, будто я мог это видеть. – С этим разберёмся завтра. Сегодня... сегодня сил даже на рык нет, честно говоря.

В его словах была не просто усталость. Была тяжесть короны. Ту же тяжесть, только в другом измерении, носил и я. Мне вдруг резко захотелось вытащить его из этого состояния, как он не раз вытаскивал меня из переделок в юности, когда мы были не альфой и бетой, а просто двумя пацанами, познающими свою дику природу.

– Ну, раз нет сил, – сказал я, намеренно делая голос легче, – то, может, стоит не пытаться их найти, а просто забыть? Хотя бы на несколько часов. Я как раз собирался навеститься в «Эдем», с проверочкой. Заодно и оттянемся по-человечески. Мне, признаться, уже который день пар спустить негде.

Всё кипит.

«Эдем» был не просто моим детищем. Это был мой эксперимент, моя крепость и моя визитная карточка в мире людей. Я построил его с нуля не только для денег, хотя они текли рекой. Это был островок контролируемого хаоса, место, где наши – волки – могли позволить себе расслабиться среди людей, не опасаясь быть раскрытыми. Где громкая музыка заглушала слишком чуткий слух, а мигающий свет скрывал блеск в глазах. Где я был не бетой стаи «Теневого Клыка», а просто Никитой Астаховым, успешным владельцем модного клуба. Это была лучшая маскировка и лучшая терапия одновременно.

– Да, пожалуй, ты прав, – после небольшой паузы ответил Кир, и я услышал, как в его голосе проскальзывает что-то похожее на ин-

терес. Отдых для него был такой же редкой роскошью, как и для меня. – Отдохнуть не помешает. Освежить голову. Только без дел стаи, ясное дело?

– Никаких дел, – заверил я. – Чисто человеческое свинство. Ну, почти человеческое.

– Тогда ладно. Звони ребятам, если хочешь. Я заеду через час, не раньше. Надо тут ещё пару бумаг подписать, чтобы завтра голова не болела.

– Договорились. До встречи в «Эдеме».

Связь прервалась. Тишина в салоне снова стала полной, но теперь она была другого качества. Не гнетущая, а предвкушающая. Одна мысль о клубе, о гулкой музыке, о знакомых, простых ритуалах отдыха заставляла мускулы на плечах понемногу разжиматься.

Я набрал быстрый номер. Первым был Алекс, наш гамма, отвечающий за безопасность и разведку. Надёжный, как скала, и такой же неразговорчивый, если дело не касалось работы.

– Алё, – его голос был глуховатым, будто он только что проснулся или, наоборот, не спал уже вторые сутки.

– «Эдем», через час. Кир будет. Расслабление режим.

– Понял, – было его единственным ответом перед отбоем.

Потом позвонил ещё паре ребят из стаи, кто был сегодня в городе и не обременён срочными делами. Их ответы были более оживлёнными. «Эдем» любили все.

Отложив телефон, я прибавил скорости. Город приближался, его светящееся сердце билось впереди, суля забвение. Я почти физически ощущал, как слой беты, тяжёлый и негнувшийся, понемногу отстаёт от кожи, оставаясь в темноте загородной трассы. Впереди был всего лишь Никита. Успешный, немного циничный, умеющий получать от жизни удовольствие мужчина.

Если бы я знал, что именно сегодня эта тонкая, выстраданная грань между двумя моими «я» будет взорвана одним-единственным,

дурацким, божественным запахом. Запахом, который не имел права существовать в моей упорядоченной, двойной жизни. Запахом фиалок, старой бумаги и... судьбы.

Но я этого не знал. И потому с лёгким, впервые за день, сердцем повернул руль в сторону огней «Эдема», думая лишь о холодном виски и дружеских шутках. Моя последняя спокойная ночь подходила к концу.

Глава 1

Настя

Внутренний телефон на моём столе разорвал тишину кабинета не мелодией, а оглушительной, казённой трелью, от которой вздрогнули даже чашки с давно остывшим чаем. От этого звука всегда сводило скулы. Он никогда не означал ничего хорошего.

Я вздохнула, не отрываясь от экрана, где в программе 3D-моделирования застыл очередной вариант фасада особняка, похожий на все предыдущие – безвкусный, тяжеловесный, кричащий о деньгах, которые не смогли купить владельцу ни грамма эстетического чувства. Рука сама потянулась к трубке.

– Северцева, – ответила я, стараясь, чтобы в голосе не прозвучало всё накопившееся за день раздражение.

– Насть, это Маша, – прошептал в трубке встревоженный голос моей единственной подруги по отделу, Маши Серебровой. Шёпот в офисе, где все стены – стекло, а двери никогда не закрываются, был универсальным признаком надвигающейся катастрофы. – Шеф просит срочно принести ему все бумаги по реконструкции дома Царева. Всё, что есть.

– Сейчас, – машинально ответила я, уже разворачивая кресло к высокому шкафу с папками. Моя рука безошибочно нашла нужную – толстую, раздутую от бесчисленных чертежей, договоров, спецификаций и гневных писем заказчика. Папка «Царев. Ад». Я окрестила её так мысленно ещё месяц назад.

– Только, ради всего святого, поторопись, – шипение в трубке стало ещё отчаяннее. – Петр Демидович сегодня... Он сегодня не в себе. Злой, как сто чертей, скрещённых с голодным медведем. Ему, кажется, только что из головного офиса разнос устроили по видеосвязи. Говорят, сам Царев звонил какому-то большому боссу.

Так что теперь всем нам, особенно тебе, моя бедная, достанется по полной программе. Он уже рыскает по коридорам.

Сердце неприятно ёкнуло, предвкушая знакомую, выматывающую душу процедуру. «Достанется» – это было мягко сказано. Петр Демидович Коршунов, наш директор, в гневе был подобен извергающемуся вулкану, который изливал лаву не на бездушные склоны, а целенаправленно, с особым цинизмом, на головы подчинённых. А я, как главный архитектор этого проклятого проекта, была его излюбленной мишенью.

– Уже бегу, – сказала я, прижимая тяжёлую папку к груди, как щит.

Сбросив трубку, я на секунду замерла, закрыв глаза. «Не повезло» – это был колоссальный эвфемизм. Проект дома для олигарха Царева с самого начала был обречён. Клиент, который сам не знал, чего хочет, менял мнение по пять раз на дню, требовал невозможного в сжатые сроки и при этом свято верил, что платит за воздух, который мы, архитекторы, вдыхаем в его загородную резиденцию. Каждая наша идея казалась ему недостаточно «богатой», каждая наша попытка втиснуть его фантазии в законы физики и строительные нормы воспринималась как саботаж. Работа шла через одно известное место. А теперь, похоже, через это же место полетит и моя карьера, и без того не самая устойчивая.

Чувствовала, как всегда, кожей: сегодня мне достанется «по самые помидоры», как любила говорить моя бабушка. Достанется так, что потом весь вечер будет тошнить от беспомощной злости.

Я резко распахнула дверь своего скромного кабинета и вышла в светлый, холодный коридор тридцатого этажа. Стекло и сталь. Блестящий пол, в котором отражались безликие потолочные светильники. Воздух, пахнувший озоном от кондиционеров и едва уловимым страхом. Я зашагала быстро, каблуки отбивали чёткий, нервный ритм по паркету. Лифт до тридцать первого, где обитало начальство, показался камерой пыток медленного подъёма.

Приёмная Петра Демидовича встретила меня гробовой тишиной. Его личная ассистентка, Маша, сидела за своим идеальным столом, и её обычно жизнерадостное лицо было бледным и напряжённым. Увидев меня, она широко раскрыла глаза и беззвучно, одними губами, произнесла: «Быстрее!»

– Он уже спрашивал о тебе, – выдохнула она, когда я поравнялась с её столом, и кивнула в сторону массивной двери из красного дерева. – Готовься. Это будет жёстко.

Я подавила желание развернуться и уйти. Куда? Обратно в детдом? В пустую съёмную квартиру? Нет у меня такого люкса, как «уволиться по-английски». За моими плечами – только я сама, кредит за курсы повышения квалификации и пятнадцать лет дружбы с Ликой, которая сейчас переживает своё личное цунами. Я сделала глубокий вдох, подняла подбородок и постучала.

– Войдите! – прорычало из-за двери.

Это был не голос, а предупреждение. Я нажала на ручку и «прошмыгнула» внутрь – именно так, ловко и незаметно, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания в первые секунды.

Кабинет Петра Демидовича был огромен и вызывающе дорог. Панорамные окна от пола до потолка открывали вид на дымчатый город, ковёр такой толщины, что в него можно было провалиться, и массивный стол, за которым мой шеф казался не столь внушительным, как хотелось бы ему самому. Но сейчас он не сидел. Он стоял у окна, спиной ко мне, и его плотная, квадратная фигура была напряжена, как туго натянутая тетива.

– А, Северцева! Явилась, наконец-то? – он обернулся, и его лицо, обычно отёчное и самодовольное, сейчас было красно от прилива крови. Маленькие глаза буравили меня с порога, не скрывая раздражения и презрения. – Ну, садись, садись, не стесняйся. Присаживайся поудобнее и поведай мне, какого, прости господи, хрена, мне только что полчаса выносил мозг по телефону Аркадий Валерьевич Царев?!